

Легенда о родоначальнике Фарцовки Фиме Бляйшице

Автор:

[Михаил Веллер](#)

Легенда о родоначальнике Фарцовки Фиме Бляйшице

Михаил Иосифович Веллер

Легенды Невского проспекта1. Саги о героях #1

Михаил Веллер

Легенда о родоначальнике фарцовки Фиме Бляйшице

1. Интеллигентик

В одна тысяча девятьсот пятьдесят третьем годе, как известно, Вождь народов и племен решил устроить евреям поголовно землю обетованную на Дальнем Востоке, и сорока лет ему для этой акции уж никак не требовалось. И составлялись уже по домоуправлениям списки, и ушлые начальницы паспортных столов уже намечали нужным людям будущие освободиться квартиры, и сердобольные соседи в коммуналках делили втихаря еврейскую мебелишку, которую те с собой уволочь не смогут, и громыхал по городу Питеру трамвай с самодельным по красному боку лозунгом «Русский, бери хворостину, гони жида в Палестину». И евреям, естественно, все это весьма действовало на нервы и заставляло лишний раз задуматься о превратностях судьбы, скоротечности земного бытия и смысле жизни.

В двадцать два года людям вообще свойственно задумываться о смысле жизни. Студент Кораблестроительного института, Ефим Бляйшиц писал диплом и

отстраненно, как не о себе, соображал, удастся ли ему вообще закончить институт – может быть, заочно? – и как насчет работы кораблестроителя в Приморье. Амур, Тихий океан... да ничего, жить можно. Жил он, кстати, на Восьмой линии Васильевского острова, в комнатухе со старенькой мамой. Мама, как и полагается маме, в силу возраста, опыта и материнской любви, смотрела на разворачивающуюся перспективу более мрачно и безнадежно, чем сын, и плакала в его отсутствие. Друг же друга они убеждали, что все к лучшему, жить и вправду лучше среди своего народа, и в Биробиджане, слава Богу, никто их уже не сможет обижать по пятому пункту; а может, все и обойдется.

Пребывать в этом обреченно-подвешенном состоянии было неудобно, особенно если ты маленький, черненький, очкастенький и картавишь: и паспорт не нужно показывать, чтоб нарваться по морде. Фима нарвался тоже раз вечером в метро, несколько крепких подвыпивших ребяташек споро накидали ему по ушам, выдав характеристики проклятому еврейскому племени, и, обгаженный с ног до головы и насквозь, на темном тротуаре подле урны он подобрал окурочек подлиннее и, не решаясь ни у кого попросить прикурить, выглотал колючий дым ночью в сортире; кривая карусель в голове несла проклятия и клятвы. Мама проснулась беззвучно, почувствовала запах табака и ничего не сказала.

Будучи человеком действия, назавтра Фима совершил два поступка: купил пачку папирос «Север», бывший «Норд», и пошел записываться в институтскую секцию бокса.

– Куришь? – спросил тренер, перемалывая звуки стальными зубами.

– Нет, – ответил Фима. – Случайность.

– Сколько лет?

– Двадцать два.

– Стар, – с неким издевательским сочувствием отказал тренер, хотя для прихода в бокс Фима и верно был безусловно стар.

– Хоть немного, – с интеллигентской нетвердостью попросил Фима.

– Мест все равно нет, – сказал тренер и брезгливо усмехнулся глазами в безбровых шрамоватых складках. – Но попробовать... Саша! поди сюда. Покажи новичку бокс. Понял? Только смотри, не очень, – сказал им вслед не то, что слышалось в голосе.

– Раздевайся, – сказал Саша и кинул Фиме перчатки.

Стыдясь мятых трусов и бело-голубой своей щуплости, Фима пролез за ним под канат на ринг, где вальсировал десяток институтских боксеров, и был избит с ошеломляющей скоростью и деревянной, неживой жесткой силой, от заключительного удара в печень весь воздух из него вышел с тонким свистом.

– Вставай, вставай, – приказал спокойно тренер, – иди умойся.

– Удар совсем не держит, – якобы оправдываясь, пояснил Саша.

– Иди работай дальше, – сказал ему тренер. И Фиме, растирающему до локтя кровь из носу: – Сам видишь, не твое. – Неприязненно: – Покалечат, потом отвечай за тебя.

Очки сидели на лице как-то странно, на улице он старался прятать в сторону лицо, дома в зеркало увидел, что его тонкий ястребиный носик налился сизой мякотью и прилег к щеке.

– На тренировке был, – пояснил он матери, и больше расспросов не возникало.

Нос так и остался кривоватым, что довершило Фимин иудейский облик до полукарикатурного, «мечта антисемита».

В портфеле же он стал носить с тех пор молоток, поклявшись при надобности пустить его в ход; что, к счастью, не потребовалось.

Тем временем соседки на кухне травили мать тихо и въедливо, как мышь; об этом сын с матерью тоже, по молчаливому и обоим ясному уговору, не разговаривали.

Это неверно, когда думают, что евреям так уж всю историю и не везет. Потому что смерть Сталина в марте 53 была замечательным везением, вопрос о переселении отпал, врачи-убийцы как бы вместе со всей нацией были реабилитированы, и по утрам соседи на кухне стали здороваться и даже обращаться со всяким мелким коммунальным сотрудничеством. И Фима благополучно получил диплом и был распределен на завод с окладом восемьсот рублей.

Но так и оставался, разумеется, маленьким затурканным евреем.

2. Открытие

Сначала появились стилиаги. Сначала – в очень небольшом количестве.

Пиджаки они носили короткие, а брюки – легендарно узкие. Рубашки пестрые, а туфли – на толстой подошве. И стриглись под французскую польку, оставляя спереди кок; а лучших мужских парикмахерских было две: одна – в «Астории», а другая – на Желябова, рядом с Невским.

В милиции им норовили – обычно не сами милиционеры, а патриотичные народные дружинники – брюки распарывать, а коки состригать, о чем составлять акт и направлять его в деканат или на работу. Пресса рассматривала одевающихся так молодых людей как агентов ползучего империализма:

Иностранцы? Иностранки?

Нет! От пяток до бровей —

это местные поганки,

доморощенный Бродвей!

Затем прошел исторический XX Съезд Партии, была объявлена оттепель и чуть ли не свобода, и страху в жизни стало куда поменьше, а надежд и оптимизма куда побольше.

А еще через год состоялся впервые в Союзе Международный фестиваль молодежи и студентов, наперли толпы молодых со всего мира, и после этого (мы отслеживаем сейчас только одно из следствий, которое и вплетено нитью в нашу историю) стилинг стало хоть пруд пруди: представители прогрессивной молодежи западных, южных и восточных стран покидали гостеприимную Советскую Россию в туфлях на босу ногу, запахивая пиджачки на голых, без рубашек, грудях: гардероб оставался на память о дружбе и взаимопонимании их московским и ленинградским приятелям.

Стукачей участвовало в празднестве уж не меньше, чем иностранцев, и дружили только самые безоглядные и храбрые, – кроме специально выделенных для дружбы, разумеется, и проинструктированных, как именно надо дружить.

Фиму с его рожей никто дружить не уполномочивал; он и не дружил – опасался: дурак, что ли. Но глядя, как переходят на тела земляков шикарные и тонные шмотки, все крутил он и обдумывал одну нехитрую мыслишку.

Он эту мыслишку не один, уж надо полагать, обдумывал, но именно он, похоже, подошел к ней первый со всей еврейской глубиной и основательностью. Потому что на второй день фестиваля сообщил маме, что ему надо поговорить с хорошим старым адвокатом, какой, вроде, был среди ее знакомых.

– Что случилось? – испугалась мама.

– Ничего не случилось, – твердо заверил Фима.

– Так зачем тебе адвокат? – побледнела мама.

– Чтоб и впредь никогда ничего не случилось, – твердо заверил сын.

Адвокат, разумеется, тоже был еврей, и принимал Фиму в такой же комнатухе коммуналки. Фима развязал испеченный мамой пирог, размял папиросу и посмотрел на адвоката.

– Розочка, сходи в булочную, – попросил адвокат жену.

– Так какие же у вас неприятности? – спросил он. – Слушаю.

- Слушайте внимательно, - сказал Фима, - и если можно, тут же забывайте. Никаких неприятностей нет и быть никогда не должно. Может ли иностранец подарить мне галстук?

- За красивые глаза? - поинтересовался адвокат.

- В знак дружбы, - серьезно сказал Фима.

- У вас есть друг-иностранец? Кто? Где вы его взяли - на улице?

- На улице, - сказал Фима.

- И каким образом?

- Он спросил, как пройти к памятнику Ленину у Финляндского вокзала.

- И что же?

- Я его проводил к святыне нашего города и рассказал о приезде Ленина в апреле 17 года.

Адвокат укусил пирог, с удовольствием пожевал, запил чаем и посмотрел на Фиму.

- Он снял галстук прямо с шеи? - спросил он.

- Я долго отказывался, но он обиделся, а я не хочу, чтобы иностранцы обижались на ленинградцев, - ответил Фима.

Адвокат кивнул.

- Хорошо, - сказал он. - Иностранец может подарить вам галстук.

- Я так и думал, - сказал Фима. - А рубашку он тоже может мне подарить?

- Он тоже снял ее с себя под памятником Ленину?

- Нет. Он попросил проводить его обратно до гостиницы.

- Он боялся заблудиться?

- Совершенно верно.

Адвокат подумал.

- А на каком языке вы говорили? – торжествующе выкрикнул он.

- На английском, – слегка удивился Фима.

- А откуда это вы знаете английский?!

- Как откуда? – еще больше удивился Фима. – Я учил его восемь лет: шесть в школе и два в институте. Я советский инженер с высшим образованием. Советское образование – лучшее в мире! Я был отличником.

- Да, – согласился адвокат, – это правда... Советское образование – лучшее в мире.

- Еще он подарил мне пиджак и туфли, – добавил Фима.

- За что?! – поразился адвокат.

- А я подарил ему свой пиджак и свои туфли.

- Зачем?!

- Ему нравятся наши товары.

- Так почему он не купил?!

- У него кончились деньги.

- Почему кончились?

- Он был накануне в ресторане.

- В каком? - быстро воткнулся вопрос.

- На «Крыше» в «Европейской», - так же быстро последовал ответ.

- А больше денег у него не было?

- Я должен был попросить его показать мне бумажник? или счет в банке?

Адвокат доел кусок и облизал пальцы.

- Хорошо, молодой человек, - одобрительно признал он. - Он может подарить вам галстук, рубашку, пиджак и туфли.

- Носки и плащ, - добавил Фима. - Он сказал, что жена купила ему носки не того размера, а плащ дал мне надеть, потому что пошел дождь; дома я выгладил его и хотел вернуть, но он уже уехал.

- Что еще? - спросил адвокат.

- Две пары чулок и французское белье для моей мамы.

- Зайдите в субботу, - сказал адвокат. - Я должен изучить этот вопрос так, чтоб не было сомнений.

- Да, - согласился Фима, - сомнений быть не должно. Но не в субботу, а завтра. Время дорого.

- Молодой человек, - сказал адвокат.

- Дружба дружбой, а служба службой, - сказал тогда Фима. - Вы даете мне эту консультацию и получаете гонорар по высшей ставке. Ставку назовете сами.

Адвокат сдвинул очки на лоб. Фима вынул из кошелька полученную вчера зарплату и положил на стол. На ближайшие две недели они с мамой оставались с сорока копейками.

- Хорошо, - сказал адвокат. - Завтра в шесть.

- Подарки являются моей собственностью?

- Безусловно.

- Я могу их выкинуть?

- В первую же урну.

- Могу подарить?

- Первому встречному.

- Могу продать?

- Ага... Вероятно.

- Что значит - вероятно? Это мои вещи или нет?

- Вас интересуют статьи о спекуляции?

- А где вы тут видите спекуляцию?

Адвокат закурил Фимину папиросу и улыбнулся вошедшей с сеткой жене.

- Идишекопф, - ласково сказал он, кивая на Фиму. - Мать этого мальчика не умрет от нищеты.

Вот так в городе Ленинграде летом пятьдесят седьмого года в голове молодого и нормально задавленного жизнью восьмисотрублевого инженера и вполне типичного еврея Фимы Бляйшица родилась гениальная идея фарцовки.

Название это родилось позднее, и не у него, но название его мало заботило, потому что Фима был нормальным советским материалистом и прекрасно знал, что было бы дело, а название ему всегда найдется.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: <https://tellnovel.com/ru/mihail-veller/legenda-o-rodonachal-nike-farcovki-fime-blyayshice>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)